12.02.93

Александр АРЦИБАШЕВ

Шаляпин Ф. И.

«ЦИНИЧНО, НО НЕ ГЛУПО...»

В чем причины вопиющего небрежения к судьбе наследства Федора Ивановича Шаляпина? Версия писателя

СООБЩЕНИЕ из Рима в середине сентября 1992 года о смерти сына великого русского певца — Федора Федоровича Шаляпина и письмо из следственного управления ГУВД г. Москвы по странному стечению обстоятельств пришлись на один день...

«Уведомляю вас о том, что уголовное дело в отношении Пашкова П. П. прекращено на основании ст. 5. п. 2 УПК РСФСР (за отсутствием состава преступления).

Следователь 3 отдела следственного управления ГУВД г. Москвы Н. В. Косорукова».

Случилось то, чего я больше всего боялся: уйдет Федор Федорович, а с ним и последняя надежда на создание в России музея Федора Ивановича Шаляпина. До сих пор, как известно, такого музея нет. В мемориальном доме певца, что находится по соседству с американским посольством в Москве, — всего лишь отдел вокального искусства Музея имени Глинки — так принижено значение творчества Шаляпина для русской культуры.

Совсем еще недавно Шаляпина считали белогвардейцем, предателем, изменником Родины. «Вина» Шаляпина в том, что он был очень русским человеком. Это обстоятельство, похоже, и сегодня является главной причиной небрежения со стороны официальных кругов к памяти гения русской сцены.

Криминальная история, о которой пойдет речь, несомненно, ляжет темным пятном на тех, кто так или иначе приложил свою руку к растаскиванию национального достояния. О ней никто бы не узнал, как до сих пор мало что мы знаем о масштабах разворовывания художественных ценностей России в период правления большевиков, если бы так долго не жили сын и дочь Ф. И. Шаляпина — Федор Федорович, Татьяна Федоровна, ныне здравствующая и проживающая в Риме.

Два года назад Федор Федорович Шаляпин, приехав в Москву, собственноручно передал тогдашнему заместителю Генерального прокурора СССР И. П. Абрамову следующее заявление:

«Поводом для моего обращения в Прокуратуру СССР послужили следующие обстоятельства. В октябре 1978 года в Москве умерла моя сестра Шаляпина-Бакшеева Ирина Федоровна. Ею оставлено завещание на наследство: прикладное искусство, картины, мебель, ювелирные изделия и многие другие вещи из дома моего отца Федора Ивановича Шаляпина. Часть их предназначалась музеям СССР, остальное — конкретным лицам. Душеприказчиком (распорядителем) завещания являлся Пашков Павел Павлович. Согласно договоренности, моим братом Борисом и сестрой Татьяной Шаляпиными ему были выданы доверенности на право получения наследства и последующей безвозмездной передачи в музей Ф. И. Шаляпина.

В нарушение этой договоренности Пашков большую часть наследства не передал, а продал Музею имени Глинки, присвоив вырученные деньги (десятки тысяч рублей). Некоторые вещи из квартиры И. Ф. Шаляпиной-Бакшеевой до сих пор находятся у него (иконы, золотые часы и др.). Помимо этого он, как исполнитель завещания, вот уже двенадцать лет не переводит жене умершего Б. Шаляпина, проживающей в США, 12 тысяч рублей, лежавших на счете у Шаляпиной-Бакшеевой.

Прошу Прокуратуру СССР провести расследование по этому делу и возбудить уголовное дело в отношении гражданина Пашкова П. П., умышленно присвоившего значительную часть наследства И. Ф. Шаляпиной-Бакшеевой, и вернуть похищенное прямым наследникам.

Федор Шаляпин

23 октября 1990 года, г. Москва».

О чем еще говорил Федор Федорович с заместителем Генерального прокурора СССР, неизвестно. Уже тогда, учитывая преклонный возраст собеседника, Иван Павлович Абрамов мог бы дать распоряжение срочно взять показания у Шаляпина-сына, одного из главных свидетелей по этому запутанному делу, но, увы, предпочел... направить заявление в Киевский райотдел милиции г. Москвы, по месту жительства покойной И. Ф. Шаляпиной-Бакшеевой. Зачем? Ведь именно там в самом начале этой истории не пожелали распутывать тугой клубок.

Из письма Ф. Ф. Шаляпина, апрель 1990 года:

«Нигде в мире, ни в одной культурной европейской или американской стране, такое безобразие случиться не может. Это было возможно только в советской России, так как твердых законов нет и личность никак не защищена. Делай, что хошь! Слово «культура» употребляется очень часто... но культуры в современной России очень мало. Торжествует невежество, ложь, обман и воровство. Я это испытал на себе. Все это в быту, а называется «культурой».

Посудите сами. Умерла сестра Ирина. Нас вызывают в Москву принять наследство. Сестра оставила завещание и точно все указала, а также перечислила свои драгоценности — кольца, браслеты, брошки и т. д. Приезжаем. Входим в квартиру. Совершенно пустая. «Где все?» — спрашиваем. Ответ: «Все в архиве». — «А мебель тоже?» Молчание. Кроме всего, драгоценности исчезли. Спрашиваем: «Кто вор?» Знакомые указывают на доктора (речь о «друге» покойной Г. Малове. — А. А.). Заявил о воровстве. Никакого следствия и результата. Вероятно, приказ — дело замять.

Кража моего фильма из моей квартиры... Всем написал, кому надо. Никакого результата. Все затихли.

Дело с домом на Новинском (так назывался раньше бульвар, ныне ул. Чайковского. — А. А.). Я, сестра Таня заявили свое недовольство «Глинками». Никаких результатов. Савченко и хромой директор все еще там безобразят с полным произволом.

Вы хотите, чтобы я приехал в Москву, и другие зовут, чтобы исправить дело в доме на Новинском. Для чего? Все равно все переделает Савченко на свой мещанский лад. Нет, пока Глинки заведуют домом, мне в Москве делать нечего. Я не турист и в Москву еду всегда только по делу, вы это знаете. Меня все это, конечно, очень огорчает, но делать нечего. Бессмысленно...»

ГОД НАЗАД направила заявление в прокуратуру Москвы и Т. Ф. Шаляпина, так как в Музее имени Глинки запротестовали вдруг против Федора Федоровича, обращая внимание прокуратуры на то, что его имени не значилось в завещании. Но ведь именно он подарил музею (без расписок) сотни экспонатов! И имел право волноваться за их судьбу. Расследуя частным образом эту историю, я обнаружил акт от 9 октября 1978 года (Ирина Федоровна Шаляпина умерла тремя днями раньше). Из этого документа следует, что милиция знала об открывшемся наследстве. При вскрытии квартиры присутствовали: от Управления вневедомственной охраны при ГУВД Мосгорисполкома А. Б. Кирьянов, от отдела вневедомственной охраны Киевского района В. И. Западько и от 123-го отделения милиции г. Москвы В. Пименов. По закону либо они, либо кто-то из домоуправления в течение трех дней обязаны были поставить в известность о смерти И. Ф. Шаляпиной нотариальную контору № 1, занимающуюся подобными делами. И вообще без нотариуса входить в квартиру никто не имел права. Однако узнали там о случившемся только спустя две недели, а именно 24 октября. Видимо, кому-то нужны были эти две недели молчания...

Далее опять последовали отступления от закона. Согласно статье 555 «Гражданского кодекса РСФСР», нотариальная контора обязана была обеспечить сохранность вещей в течение шести месяцев после смерти завещателя. Но, как отмечал в своем письме Федор Федорович Шаляпин, квартира оказалась пустой уже к их приезду. Непонятно и то, на каком основании ворошили имущество покойной Павел Павлович Пашков, «секретарь» Ирины Федоровны — некто Попов Анатолий Иванович и главный хранитель Музея имени Глинки — Людмила Георгиевна Савченко. По закону при описи имущества должны были присутствовать все лица и представители организаций, упомянутые в завещании: Борис Федорович и Татьяна Федоровна Шаляпины, кто-либо из Театрального музея имени Бахрушина, Центрального музея А. М. Горького и школы № 140 г. Нижнего Новгорода, Музея А. М. Горького г. Казани, ЦГАЛИ. Но никого из них не было. Даже понятых «забыли» пригласить. Странно, не правда ли?

Беседуя с бывшим заместителем министра культуры СССР В. Ф. Кухарским, я спросил его:

— Знали ли вы, какие ценности находились в квартире И. Ф. Шаляпиной?

— Да, конечно, — ответил он. — Приходилось не раз бывать в гостях.

— И куда попали мемориальные вещи, вам тоже известно?

— В Музей имени Глинки. Справились с этим вроде бы неплохо...

— А назначалась ли официально комиссия по наследству Шаляпиной?

— Комиссия? — Кухарский неожиданно рассмеялся. — Надо вспомнить... А почему вообще-то возник этот вопрос?

— Возник.

С минуту длилось молчание.

— Приказа по министерству не было... Положились на совесть пасынка Ирины Федоровны — Пашкова, душеприказчика покойной...

Кто же такой Павел Павлович Пашков? Прежде всего никакой он не пасынок И. Ф. Шаляпиной. Как рассказала подруга Ирины Федоровны — Евгения Александровна Качалова, отец Пашкова был первым мужем Шаляпиной, но вскоре она развелась с ним и вышла замуж за актера Петра Бакшеева. Пашков женился на другой женщине, и у них родился сын — Павел Павлович, — тот самый, кто «выбьет» впоследствии себе право распоряжаться шаляпинским наследством.

Почему же именно Пашкова назначила Ирина Федоровна душеприказчиком?

Та же Е. А. Качалова рассказывала:

— Своих детей у нее не было, все родственники — за границей. Когда встал вопрос о душеприказчике, она просила одно время мою дочь взять на себя эти обязанности, однако та отказалась — тут нужен мужчина... И подвернулся Пал Палыч, хоть и редко, но навещавший ее. Кандидатура, конечно, не совсем подходящая, ей об этом говорили, она же отвечала: «Но ведь душеприказчик, граждане, это не наследник!..»

Насколько же все мы юридически безграмотны! Этим и пользуются нередко разного рода проходимцы.

Ирина Федоровна Шаляпина вписала имя Пашкова в завещание. Ему она завещала всего-то навсего шелковый коврик ручной работы — 1,6 х 1,15 — «пестрый, красный с голубым»... Но, оказывается, этого уже было достаточно, чтобы Пал Палыч считался таким же... наследником, как и другие лица, перечисленные в завещании. Да-да, не удивляйтесь, наследником! Правда, его притязания ограничивались лишь этим самым ковриком, который, по всей вероятности, ему и не нужен был, но он имел право требовать в официальных органах связанные с этим поручением необходимые документы, чем и воспользовался.

Более того, он сумел убедить всех Шаляпиных в своей искренности, и они дали ему доверенности на распоряжение ценностями, причитавшимися непосредственно им. Со слов Татьяны Федоровны и Федора Федоровича, шаг этот был сделан исключительно ради того, чтобы мемориальные вещи безвозмездно попали в музей Ф. И. Шаляпина.

Об этом свидетельствует и первоначальная доверенность Бориса Федоровича Шаляпина, жившего в США.

«...Доверяю Пашкову П. П., проживающему... получить свидетельство о праве на наследство умершей сестры, Бакшеевой Ирины Федоровны, с правом получения наследственного имущества...»

Заметим: только получить и хранить. Ни о какой распродаже вещей речь не шла.

Артистка М. А. Сорокоумовская — человек, близкий к семье Шаляпиных, — показала мне письма Бориса Федоровича, присланные ей из Америки. Он словно предчувствовал, что произойдет с наследством: «...Насчет доверенности по наследству Ирины — дело будет сделано, но я совершенно не согласен с той стандартной доверенностью, которую получил от Феди и Павла». И еще: «...На всякий случай посылаю тебе копию доверенности Пашкову реализовать наследие Ирины для передачи мне».

ЧЕРЕЗ ГОД Бориса Федоровича не стало. Пашков опять высылает Шаляпиным бланк той самой доверенности. Как он приписал на листке — «стандартной в СССР, с поправками для нашего случая. Близость к этому тексту облегчит дело...». Поправки, естественно, были сделаны его же рукой:

«...Настоящей доверенностью уполномачиваю гр. Пашкова Павла Павловича, проживающего..., управлять и распоряжаться всем моим имуществом, полагающимся мне по наследству сестры Бакшеевой Ирины Федоровны..., в соответствии с этим заключать все разрешенные законом сделки, в частности: покупать, продавать, дарить, принимать в дар, обменивать, закладывать и принимать в залог строения и другое имущество, определяя во всех случаях суммы, сроки и другие условия, по своему усмотрению производить расчеты по заключенным сделкам; принимать наследства или отказываться от них; получать причитающееся мне имущество, деньги, ценные бумаги от всех лиц, учреждений, предприятий, организаций, в том числе от Государственного и других банков и сберегательных касс, почты, телеграфа по всем основаниям, распоряжаться счетами в Госбанке и Внешторгбанке... Доверенность действительна до ее отмены».

Жена Бориса Федоровича, Елена Осиповна, не рискнула сразу дать Пашкову требуемый документ, а доверила вести ее дела Татьяне Федоровне Шаляпиной. Это не устроило Павла Павловича — Татьяна Федоровна чересчур несговорчива. Через какое-то время он вновь обращается к Елене Осиповне с просьбой прислать нужную ему доверенность и, как ни странно, получает ее.

Теперь можно приступать к «делу». С юридической стороны не подкопаешься, все законно. Шаляпины далеко, проконтролировать некому. Пал Палыч ловко все рассчитал, одного не смог учесть — что прямые наследники будут так долго жить...

Впрочем, могли бы заподозрить неладное в том же Музее имени Глинки, куда Пашков приносил на продажу шаляпинские вещи? Имелось завещание, где было указано, кому и что передавать. Если бы Шаляпины хотели нажиться на наследстве, то они не стали бы дарить огромное количество ценностей, привезенных ими из-за границы? Но главный хранитель музея Людмила Александровна Савченко (она же на протяжении многих лет и заведующая отделом учета экспонатов) предпочла не утруждать себя излишними хлопотами и без каких-либо колебаний взялась за оформление сомнительной сделки.

Согласно завещанию, например, гитара мастера Штауфера (Вена), принадлежавшая Ф. И. Шаляпину, должна была быть передана Театральному музею имени Бахрушина, однако Пашков продает ее в 1981 году «Глинкам» за 300 рублей — равнозначно что крадет у государства. То же самое произошло с шаляпинской библиотекой, некоторыми другими вещами.

Разобраться в «бухгалтерии» Музея имени Глинки под силу разве что десятку опытных ревизоров: столько там подспудного, тайного! Скажем, в 1983 году приказом заместителя министра культуры СССР Е. М. Чехарина Всесоюзному

Лит. Россия. — 1993. — 12 февр. (№6). — С. 14–15.

производственно-художественному комбинату имени Вучетича предписывалось безвозмездно передать в постоянное пользование этому музею огромное количество ценных вещей. Среди них и предметы из того же наследства Шаляпина. К сему был приложен список.

Откуда эти вещи у комбината имени Вучетича? Ведь они завещались Ириной Федоровной прямым наследникам. Оказывается — также были куплены у Пашкова... Министерством культуры СССР! Причем в акте закупки в правом углу помета: «Собственность Пашкова П. П. (ранее)»! Как тут не возмутиться Шаляпиным?

Или вот еще один документ. Акт № 71 от 25 сентября 1987 г.

«Настоящий акт составлен в том, что сего числа принято в Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки от Пашкова П. П. ...нижепоименованные экспонаты:

Мемориальные вещи, принадлежащие Ф. И. Шаляпину, из дома И. Ф. Шаляпиной-Бакшеевой, согласно описи в количестве 103 наименований. Счет от 25.09.87 г. на сумму 3013 руб.».

Среди этих вещей: «очки Ф. И. Шаляпина (золотые. — **А. А.**) — 25 руб.; камертон без ручки, металлический, фирма К. Фаберже — 50 руб.; лавровые венки металлические (серебряные. — **А. А.**), некоторые детали отсутствуют, надпись: «Высокоталантливому артисту Федору Ивановичу Шаляпину». «Вражья сила», 24 сентября 1902 года. Москва» — 20 руб. Борис Шаляпин, «Портрет И. Шаляпиной», 1932 г., масло — 500 руб.; неизвестный художник, «Собор Василия Блаженного в Москве», дерево, резьба, масло — в раме под стеклом — 300 руб.; Алексей Коровин, «Осенний пейзаж». — масло, в нижнем левом углу автограф автора: «Федору Ив. Шаляпину от А. Коровина. 1920 г.» — 50 руб.; покрывало на кровать с двумя наволочками. Вышивка, полотно, ручная работа — 80 руб...».

Да-да, продавались и покрывала, и скатерти, и салфетки, и полотенца, и многое другое, из чего можно было извлечь выгоду.

Акт № 35 от 27 апреля 1981 года. Пашков получает от «Глинок» шесть тысяч рублей за шаляпинский рояль «Бехштейн». Акт № 91 от 19 декабря 1988 года. Он же сбывает «ружье, принадлежавшее Ф. И. Шаляпину, изготовленное Льежской мануфактурой огнестрельного оружия (г. Льеж, Бельгия) 1905 — 1914 гг. Цена — 800 рублей; шесть столовых ножей и вилок, белый металл — 240 руб.; поднос под самовар (медный) — 50 руб.; подставки к столовым приборам — 10 шт. (зайцы, тигры) по 1 руб. — 10 руб.; граммофонные пластинки с записью Ф. И. Шаляпина (39 экз.) — 1418 руб.».

В целом за двенадцать лет Пал Палыч выручил на Шаляпине свыше пятидесяти тысяч рублей. Это только на сделках с Музеем имени Глинки. Часть дорогих реликвий, как уже говорилось, он и по сей день держит у себя: старинные иконы, золотые часы и др.

ПОСЛЕ опубликования мною документальной повести «Бриллианты Шаляпина» в газете «Рабочая трибуна» в сентябре 1990 года история эта получила не менее интригующее продолжение.

Прокуратурой г. Москвы после настояний Шаляпиных все же было возбуждено уголовное дело в отношении Пашкова. Дважды оно направлялось в Киевский РОВД столицы — будто бы речь шла о бытовом хулиганстве, а не о национальном достоянии — и дважды успешно «заминалось». Следователь Михаил Абрамович Быховский не удосужился даже сверить в Музее имени Глинки наличие шаляпинского фонда с описями, не говоря уже о том, чтобы выслушать прямых наследников.

— Шаляпины-то в Италии, кто меня туда пошлет? — отмахивался он.

— Ну а как быть с гитарой, библиотекой, другими вещами, завещанными государству и оказавшимися проданными?

— Пашков внес в сберкассу триста рублей за гитару, — ответил следователь.

— Но после того, как был уличен.

— Допустим, он ошибся.

— А с библиотекой тоже? И золотые часы, иконы в серебряных окладах захватил домой по ошибке?

Ничего вразумительного на сей счет Михаил Абрамович мне так и не ответил.

Моя настойчивость, похоже, не на шутку обеспокоила Пашкова. И не только его — кто-то ведь носит шаляпинские бриллианты, кольца, броши... К «шаляпинскому делу» подключили известного адвоката Генриха Павловича Падву (он же защитник А. И. Лукьянова в деле о ГКЧП).

Генрих Павлович, надо сказать, круто повел разборку. Пашков неожиданно подает в Свердловский районный народный суд г. Москвы иск на меня и газету «Рабочая трибуна» за якобы клевету и просит возместить «моральный ущерб» в размере 15 тысяч рублей. Адвокату эта сумма показалась ничтожной, и в «связи с инфляцией» он доводит ее до 30, а потом и 50 тысяч рублей. Через полтора года опомнились и в «Глинках». Директор музея А. Панюшкин оценил «поруганную честь» в 200 тысяч рублей и также сочинил заявление в суд: «...обязать А. Арцибашева и редакцию газеты «Рабочая трибуна» опровергнуть в соответствии с законом не соответствующие действительности и порочащие честь и достоинство музея сведения...».

Сведения эти вскоре были «опровергнуты»... компетентной комиссией Министерства культуры, проверившей шаляпинский фонд в Музее имени Глинки — после обращения Ф. Ф. Шаляпина к Президенту России Б. Н. Ельцину. Приведу лишь некоторые выдержки из официального документа:

«Администрация музея не уделяла должного внимания учету и хранению музейных фондов, в результате чего учет и хранение музейных ценностей осуществлялись с многочисленными грубыми нарушениями... Акты поступлений не все сброшюрованы, отсутствуют завершительные записи, листы не пронумерованы. В актах допускались многочисленные подчистки, подпечатки, не заверенные исправления номеров актов, количества записанных предметов, дат поступления с более раннего на более поздний период. Лишь в немногих актах указываются материал, техника исполнения предметов. Ко многим актам нет описей, а имеющиеся описи не имеют подписи составителей; нет ссылок на дату составления... В ряде случаев исправления в актах и описях не объясняются, что не позволяет установить истинное количество предметов при поступлении. Так, например, в описи к акту приема № 102 от 21.12.83 г. работ В. Серова, К. Коровина, И. Левитана (дар Ф. Ф. Шаляпина через Министерство культуры СССР) количество 18 предметов исправлено на 8. Сопроводительные документы министерства в музее отсутствуют. Из описи к акту красными чернилами вычеркнута запись: «В. Серов. «Рассуждение о рыбе и прочем». Холст, масло. 50 х 62,5, в двойной раме». Причина исключения этой работы из описи не объяснена». (Спустя месяц картину вернули, но уже без рамы и не имеющую учетного номера. Интересно, в чьей коллекции и в какой стране она успела побывать? И вообще — оригинал ли это? — **А. А.**)

«...В книгу поступлений за № 10525 не записана серебряная кружка-жбан художественной работы с надписью «От технического персонала Михайловского театра. 1918 — 1919 гг.», проба 84, проходящая по списку материалов, полученных 28 августа 1981 г. Указанного предмета в музее нет. ...Учет изделий из драгоценных металлов ведется не на должном уровне... Предметы не все точно описаны, опущены отдельные детали, не указаны клейма мастеров, проба, сохранность. Примеры: КП 10533 инв. № 1202 сигаретница серебряная с изображением деда Мороза и елки с розанчиками из бриллиантов — 0,41 карата — не указаны пустые гнезда (когда их опустошили? — **А. А.**); боковой ящик с дверцей; КП 10525 инв. № 969, серебряный ковш-братина с украшением в виде лошадиной головы — не указано, что от уздечки осталось 1,5 звена».

ЧЕСТНО говоря, я надеялся, что уж этот-то документ станет предметом детального исследования Генеральной прокуратурой России, ведь факты очевидны. Как доверенное лицо Федора Федоровича и Татьяны Федоровны Шаляпиных я направил письмо о положении дел в Музее имени Глинки Генеральному прокурору РФ Степанкову В. Г. Вскоре из этого уважаемого учреждения пришел ответ:

«В Генеральной прокуратуре России по вашей жалобе изучено уголовное дело в отношении Пашкова П. П.

Постановление о прекращении дела в связи с неполнотой следствия отменено. Прокуратуре г. Москвы поручено организовать дополнительное расследование и сообщить вам о его результатах.

Прокурор управления по надзору за следствием и дознанием, старший советник юстиции А. А. Пантюхин».

Выходит, я был прав, поднимая таинственную завесу над всей этой неприглядной историей? А ведь мои оппоненты с самого начала кричали во все голоса, что следствие не подтвердило указанные мною факты. В частности, полтора года назад убеждали в этом зрителей программы «Взгляд» господа Падва и Пашков. Так считала и следователь Киевского РОВД А. К. Рязанцева, не усматривая по началу в действиях Пашкова состава преступления. На что возразил прокурор Главного управления по надзору за следствием бывшей Генеральной прокуратуры СССР В. М. Семшов: «Изучение материалов показало, что изложенные в публикации факты злоупотреблений остались, по существу, непроверенными, повесть в полном объеме к материалам не приобщена и автор ее не опрошен. Выдвинутая прокуратурой района версия о том, что Бакшеева, нуждаясь в деньгах в 70 — 78 гг., продала неизвестным лицам представляющие большую ценность три кольца и серьги с бриллиантами, в значительной степени надумана, если учесть, что нотариусом при составлении описи имущества обнаружено несколько сберегательных книжек на имя покойной с суммой вкладов более 28 тысяч рублей». (По тем временам это были огромные деньги!) Материалы были направлены в Прокуратуру г. Москвы. 13 июня 1991 года старший прокурор следственного управления И. В. Максимова возбудила в отношении гр. Пашкова П. П. уголовное дело по ст. 94 УК РСФСР (ущерб государству). Но, как я уже говорил, хода ему не дали.

На очередном приеме в Генеральной прокуратуре России мои собеседники акцентировали внимание на том, что я не юрист и мне трудно понять мотивы прекращения уголовного дела. Не спорю. Но прежде чем возбуждать его, следователи должны были располагать вескими основаниями для этого. Почему же тогда разошлись мнения на сей счет профессиональных юристов?

Лично у меня сложилось такое впечатление, что следователи будто бы ждут, когда я «выдам» им очередной факт, уличающий подозреваемых лиц, чтобы до суда дать им возможность исправить положение. В Музей имени Глинки натащили уже большое количество шаляпинских вещей, не имеющих инвентарных номеров. Подчищена документация, сделаны поздние записи. Скажем, под одним порядковым номером оказались шесть дубовых стульев и... сочинения графа Л. Н. Толстого в четырнадцати томах с дарственной надписью, в кожаном переплете и футляре. Кому-то ранее, видать, приглянулись...

И грянул гром?! Увы, Министерство культуры России даже не пожурило работников Музея имени Глинки, издав по результатам проверки приказ № 176 от 20 мая 1992 г., в котором не была дана оценка произволу, лишь набор знакомых формулировок: «...рассмотреть, разработать, оказать помощь в устранении выявленных недостатков...».

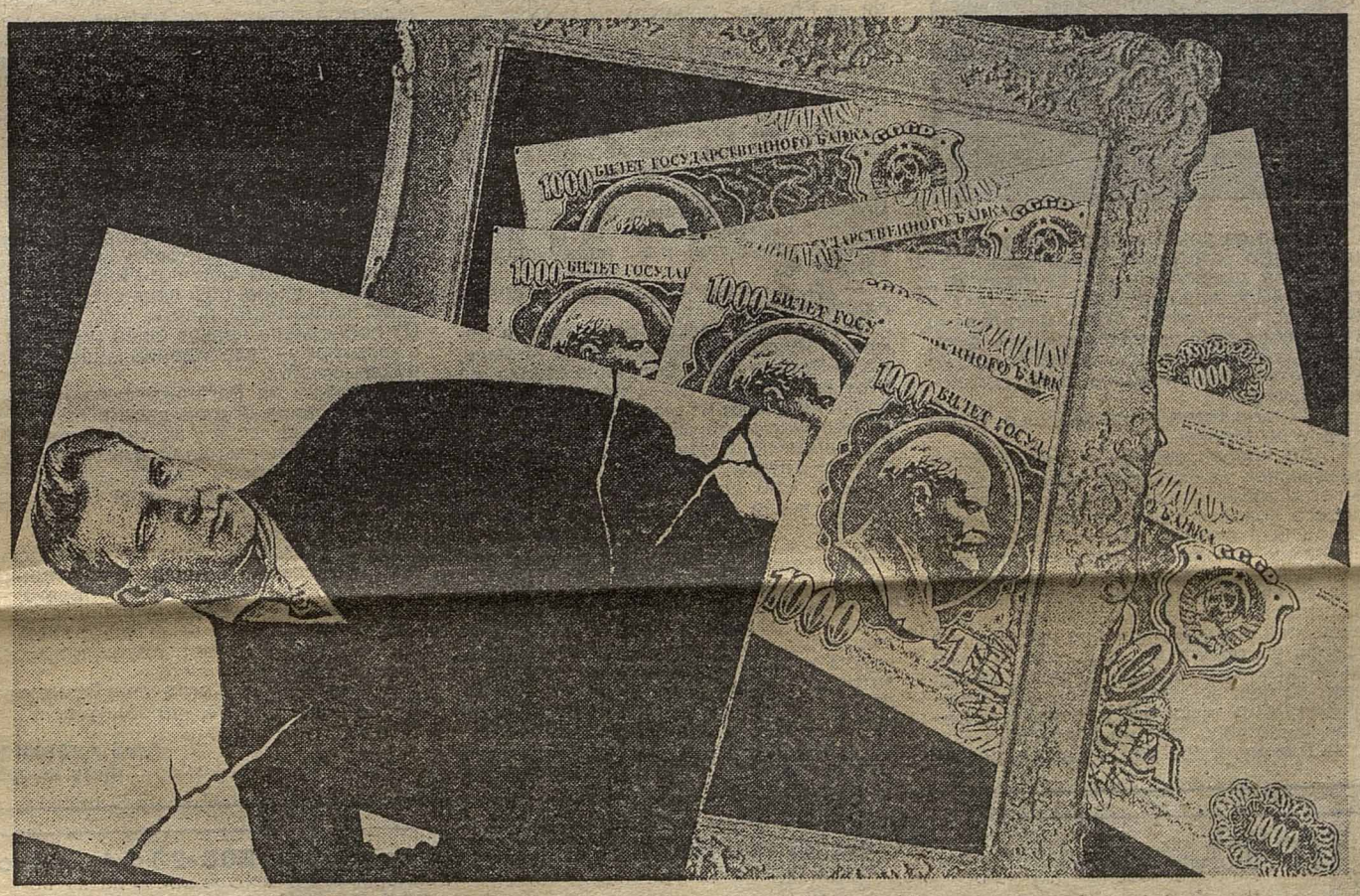
У Федора Федоровича Шаляпина в конце концов терпение лопнуло. Восьмидесятишестилетний старик купил билет из Рима в Москву и прошедшей осенью намеревался приехать в Россию, чтобы положить конец этой грязной истории. Тщетно пытаясь в течение многих лет добиться открытия в Москве самостоятельного музея Федора Ивановича Шаляпина и протестуя против разворовывания наследия отца, он верил, что правда все-таки восторжествует. Внезапная болезнь помешала его поездке.

За несколько дней до смерти, находясь в римском госпитале «Джимелли», Федор Федорович написал завещание, в котором распорядился все оставшиеся у него документы, фотографии и некоторые ценности — среди них и инкрустированные бриллиантами часы, подаренные Ф. И. Шаляпину самим царем Николаем II, — передать (не продать!!! — **А. А.**) России и просил также похоронить его на родине, рядом с могилой отца.

В свое время в письме к Р. М. Горбачевой Шаляпин-сын писал: «Все эти люди, которые служат в музее им. «Глинки» (я говорю о начальниках), зная мой преклонный возраст, ждут моей смерти, — тогда все будет шито-крыто. Цинично, но не глупо...».

Так и получилось.

Федора Федоровича нет. Честь и достоинство Шаляпиных мне теперь приходится отстаивать в одиночестве. Хотя в ходе разбирательства в Свердловском районном народном суде выступил уже не один свидетель, подтверждающий мою правоту в этой истории, неизвестно, каков будет исход. Слишком уж вызывающе и вольно ведут себя в суде истцы. А это что-нибудь да значит...



Коллаж Ю. МИХАЙЛОВА